

В НАЧАЛѢ БѢ СЛОВО

ПАНОРАМА СЛОВА

#1 • 2017

ОН ЗАСТАВЛЯЛ
РАКЕТЫ
ЛЕТАТЬ 10 ▷

ПРЕКРАСНОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЕЛИЧАВО. А.С.Пушкин

ПАМЯТИ А.С.ПУШКИНА

ЛЕРМОНТОВСКОЕ
ПРИСУТСТВИЕ 8 ▷

ПИСАТЕЛЬ,
ПРИДУМАВШИЙ
МОВИЗМ 4 ▷

ТАТЬЯНИН
ДЕНЬ 14 ▷

ОН
ПОБЕДИЛ
И ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

2 ▷

РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ. ПУШКИН

Вдохновение нужно в поэзии, как в геометрии. А.С.Пушкин

Признанный (1836) портрет А.С.Пушкина кисти П.Ф.Соколова

Лета 1837, 29 января [10 февраля] Александр Сергеевич Пушкин отошел в мир иной

И всё-таки, когда же пробудился и зазвучал во мне Пушкин? Помню себя трёх-четырёхлетним на коленях у бабки. Под потолком тусклая лампочка, стёкла затянуты белым мохнатым налётом, в большой комнате пусто и неуютно. В крепких объятиях бабки мне тепло и покойно, сквозь обволакивающую дрему, как заклинание, доносится до слуха: «Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя...» Неизъяснимый ритмический поток убаюкивает и уносит в радужные выси, я крепко засыпаю. А через несколько дней, невыносимо картавя, декламирую: «Выпьем с горя; где же кружка? Сердцу будет веселей».

В пять лет, когда выучился читать, моим кумиром стал королевич Елисей. Я часами перелистывал страницы любимой книжки, жирным черным карандашом пачкал ненавистное лицо царицы, в невыразимом ужасе цепенел от мрака и холода той норы, где «во тьме печальной Гроб качается хрустальный». По-видимому, тогда впервые Пушкин внушил мне понятие о силе любви и тайне смерти.

Позднее, в школе, на глаза попалась богато иллюстрированная книга-биография поэта. С жадным интересом я разглядывал многочисленные репродукции, но только вид Пушкина в гробу заставил бесповоротно-болезненно ощутить его телесное небытие. С чувством кровного горя я пережил его предсмертные страдания, кончину и излил свою печаль в первом стихотворении. Мой наставник Т.И.Гончаренко позволил прочитать его на школьном вечере, и я прямо выкрикнул в зал: «Раздался выстрел одинокий - И

Пушкин - наше всё. А.А.Григорьев

1999 год.* Первый пушкинский юбилей в развороченной запущенной стране с изверившимся народом, поверженной культурой. Сразу видно, что забота одна: отдать неизбежный долг, погреться у памятника и помчаться дальше. Утешает то, что для Пушкина и для нас казённые юбилеи давно потеряли всякое значение - мы нераздельны. Пока живёт Пушкин, будем жить и мы; пока жив народ, будет звучать и Пушкин. Лучше Толстого не скажешь: Пушкин - наш отец. Истинно отец: дал нам язык, вложил самосознание, указал путь к полноте и совершенству. А мы, неразумные, в ослеплении и гордыне часто плутаем по бездорожью.

Пишу и обнаруживаю удивительную вещь. Казалось бы,

никогда преднамеренно не заучивал его стихи, не увлекался безоглядно творчеством... А вот в сознании то и дело всплывают пушкинские строки, выражения, лица. Причём без всяких усилий и напряжения памяти. Как будто вложены эти магические фразы в моё существо с рождения, даны мне свыше, как родовое наследство, для передачи уже моим потомкам и продолжателям.

В самом деле, разве я когда-нибудь не слышал, не знал «Гонимы вешними лучами...», «Мой друг, отчизне посвятим...», «Мчатся тучи, вьются тучи...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Сижу за решёткой в темнице сырой...», «Прощай, свободная стихия...» и ещё, ещё... Это было и будет всегда, как родной дом, ключевая вода, небо и звёзды.

На стр. 1: приведены слова А.А.Ахматовой из статьи «Слово о Пушкине» (1961) - «Он победил и время и пространство». На полях других страниц выпуска представлены высказывания выдающихся литераторов об А.С.Пушкине и афоризмы самого Александра Сергеевича.

рухнул скошенный поэт. Его убил француз жестокий и подлый равнодушный свет».

У Пушкина я нашел идеал женщины, и произошло это в пору цветущей юности, на 18-м году. Уже кружилась голова от прикосновения девичьих рук, уже неясные волнующие грезы туманили воображение, на лекциях всё чаще накатывали рассеянность и отрешённость. Предстояло выступить на шефском концерте перед рабочими учебного завода. Под рукой был «Евгений Онегин». Я раскрыл томик и тотчас погрузился в письмо Татьяны. Да ведь это обо мне, это со мной! И сновидения, и чудные взгляды, и голоса в душе - незримое присутствие рядом кого-то близкого, желанного. А мне твердили про «энциклопедию русской жизни» и «типичных представителей дворянского общества». Да, энциклопедия человеческих обретенных и потерь. Да, представители бессмертного племени влюбленных. Покоренный искренностью и чистотой выраженного чувства, я прозрел, я понял, кого следует искать. Смутные мечты и влечения воплотились в зримый облик.

После смены к заводу подогнали грузовик, откинули борта, и

с открывшейся площадки я нерешительно и смущенно произнес: «Я к вам пишу - чего же боле?» А через год, тихой кроткой осенью, на древней владимирской земле я встретил свою Татьяну.

Шли годы. Из ученика я превратился в учителя, но по отношению к Пушкину остаюсь робким почтительным учеником. Нередко ловлю себя на том, что пытаюсь найти в Пушкине своё, а в себе - пушкинское. И с грустью отмечаю, что сходство не затрагивает главного, определяющего. И вокруг себя вижу немало именитых умных людей. Слушаю их рассуждения, споры и думаю: «Э, брат, так и я могу. Далеко тебе до Пушкина». Поражают его всеохватность и всепонимание. Как легендарный Мидас, он превращал в чистое золото поэзии и житейский мусор, и кровавые драмы истории.

Бывают часы изнурительного разлада с самим собой, ощущения своей ненужности и бесполезности. Что я принёс в мир, нашёл ли своё место, любезен ли людям? Беспощадный внутренний дух отвечает: нет, нет и нет. Как-то на лесной тропинке, когда нерастопленные думы отступили со всех сторон, в поисках спасения губы

непроизвольно прошептали: «И меж детей ничтожных мира, Быть может, всех ничтожней он».

Вот оно, искомое! И Пушкина обуревали сомнения, и его лучезарный гений метался в поисках смысла. Да и не может человек иначе, если погружен в «заботы суетного света».

Есть ли выход из гнетущего состояния? Есть, и Пушкин его хорошо знал: «Но лишь божественный глагол До слуха чуткого коснется...»

Чем бы ни занимался, даже наедине с собой, не устать творить. Когда вхожу в класс и вижу 30 пар внимательных глаз - происходит чудо. Душа сбрасывает ветхие покровы обыденности и воспаряет, «как пробудившийся орёл». Нет за окнами дождя и снега, потока автомобилей, людской толчеи; отступают заботы, обиды, боль, тоска. В едином порыве мы устремляемся к вечным загадкам мироздания. Спасибо тебе, Пушкин. Ты научил меня слушать голос моей Музы и, наперекор всему, следовать её велениям.

Игорь Рудой

*А.С.Пушкин родился 26 мая [6 июня] 1799-го; в 1999 г. отмечался его 200-летний юбилей

Открытка из набора (1968) по мотивам «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях». На обороте был кусочек пушкинского текста: Елисей, не унывая, К ветру кинулся, взывая: «Ветер, ветер! Ты могуч, Ты гоняешь стаи туч».

Если бы в нашей семье не было траура по скончавшейся матери, я просил бы позволения отца носить траур по Пушкину. Ф.М.Достоевский

ПАРКУР В КАТАКОМБАХ

16 января - 120 лет со дня рождения В.П.Катаева (1897)

ранение, фосген, два Георгиевских креста и орден Святой Анны IV степени. Стихи: «Чем дальше от юга и моря, тем в сердце спокойней и проще, тем в сердце спокойней и проще и сердце полно тишиной. В открытые окна вагона дышали весенние рощи, дышали весенние рощи прохладой и мокрой землёй...» (Бальмонт, полученный из рук Багрицкого).

Потом некий провал в биографии. Как выяснилось сравнительно недавно, в этом провале - служба у гетмана Скоропадского и в Добровольческой армии Деникина. А также участие в заговоре белых офицеров, Чека, тюрьма. Потом - служба уже в Красной Армии, работа в «Окнах РОСТА», Москва, «Гудок»... И проза с приключениями - экспериментальная («Сэр Генри и чёрт», 1920; «Железное кольцо», 1923). Заканчивается период лихими «Растратчиками» (1926) и весёлой «Квадратурой круга» (1928).

Антитезис. Период зрелости отмечен подгоном прозы под линию партии («Время, вперёд!», 1932). В это же время Катаев становится замечательным детским писателем («Белеет парус одинокий», 1936).

В партию, как ни странно, он вступил только в 1958 г. - злые языки говорили, что он «решился на это, став импотентом и завязав с пьянством, - исключительно чтобы не получать выговоров по моральной линии».

Удивительный, всех поразивший последний период, синтез чистой воды. Снятие противоречий, так сказать. Начиная с «Маленькой железной двери в стене» (1964), где в одном измерении - рассказы о Ленине, а в другом - память, время, жизнь после смерти и т.п. И в полную силу - со «Святого колодца» (1965). «Постарел. Остепенился. Пора и о душе подумать, стал мовистом». Мовизм (от фр. mauvais - плохой).

«...Так как в настоящее время все пишут очень хорошо, то нужно писать плохо, как можно хуже... Хуже меня пишет только один человек в мире, это мой друг, великий Анатолий Гладилин, мовист номер один». Мовизм - вызов эстетике соцреализма, которой сам отдал щедрую дань.

Словцо найдено и обкатывается то так, то этак... Проявляется тяга к Достоевскому и к достоевщине: «Рассуждая о женщинах, старик Карамазов тонко заметил: «Не презирайте мовешек» или «Не пренебрегайте мевешками» - что-то в этом роде, уже не помню...» Он как будто отвечает Юрию Олеше, обронившему: Катаев, «кажется, пишет сейчас лучше всех».

Последняя книга Олеши «Ни дня без строчки» (1956) - это выброс распада перед тем, как окончательно ухнуть в бездну. Катаев, друг его одесской молодости и славных дней «Гудка», принял пас и взрастил на пунктирах Олеши новый стиль, присовокупив к этому опыты своей молодости и уроки эмигранта Набокова.

Сверстники - Катаев, Олеши и Набоков - вообще грибы одной грибницы. (В интересной статье «Зависть» О. и Вл. Новиковы рассказывают, что лингвист Михаил Панов в своих лекциях в МГУ помещал этих писателей вместе в ячейку «проза неожиданной метафоры», - см. «Новый мир», 1997, №1). И когда Катаев, например, в «Алмазном венце» (1978) говорит о «магическом кристалле памяти», сразу же вспоминаются «Другие берега» (1954) Набокова.

Будучи, как тогда говорили, выездным, Катаев сумел познакомиться с сочинениями Набокова раньше многих. Набоков ошеломил и восхитил его - как если бы он вдруг узнал лет в 60, что у него в прекрасном далеке живёт брат-близнец. И Катаев контрабандой протаскивает маэстро на

Не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. Ф.М.Достоевский

свои страницы, за что и подвергается язвительной критике [см. нашу статью в своё время «Верность» Олега Михайлова («Наш современник», 1974, №1)].

Оба они - Катаев и Набоков - в молодые годы поклонялись Бунину. Набоков встретился с кумиром уже после того, как тот получил Нобелевскую премию, - это описано в «Других берегах». Для Катаева же Бунин стал действительно наставником. Он научил молодого поэта не только стирать носки («Тщательно полощите их в холодной воде, отнюдь без мыла, - а затем не гладьте, а просто сушите на солнце. Тогда у вас никогда не будут потеть ноги»), но и вырабатывать пристальность зрения: «Опишите полувыюющий куст этих красных цветов».

Спустя много лет ученик исполнит урок: «Пожелтевшие зубчики преградили путь осы в тёмно-красную середину агонизирующего цветка, где как бы горел угрюмый огонь войны, грядущей революции, приближение которых было ещё вне моего сознания. Другой цветок был уже мёртв, и по его мёртвой плоти ползали маленькие рыжие муравьи, поднимавшиеся цепочкой по гипсовой баясине балюстрады <...> вечные, бессмысленные, такие хрупкие и недолговечные муравьи, инстинктивно ищущие в громадном непознаваемом мире тело разлагающего цветка. Но как он называется? Теперь-то я знаю. Но тогда не знал». («... Такая масса утомительных подробностей, - пожалуй, сказал бы Бунин. - Прёшь через них и ничего не понимаешь». Он ведь был строгим стариком и пуристом.)

Коперниковская революция

На стадии синтеза Катаев задумал и совершил свою маленькую коперниковскую революцию, решив, что в романе «герой должен быть неподвижен, а обращаться вокруг него должен весь физический мир». Таким образом он пересказал и свою жизнь, и то, что писал сам, и то, что писали

и другие, а кроме того - «Ни дня без строчки» Юрия Олеши (есть текстуальные совпадения). Новая проза Катаева стала своего рода художественной и, соответственно, идеологической ревизией того, что он делал прежде. И главным образом - расчётом с тем временем, когда он призывал: «Время, вперёд!» (каким-то трудноуловимым образом это связано со вступлением в партию).

Вообще же в послевоенной советской литературе внимание на время и память первым обратил тот же Олеши, заговорив о «бессмысленном ожидании пропуска не в пространстве, а во времени, - в прошлое, в молодость». Это можно считать запоздалой реакцией на европейских охотников за временем и главного из них - Пруста (хотя его очень недурно переводили и издавали в СССР в 1930-е гг.) А может быть, что-то такое витало в самом «воздухе эпохи»: ведь «Другие берега» в США и «Ни дня без строчки» в СССР писались почти одновременно, в середине 1950-х.

И вот Катаев, как в катакомбах, на ощупь прокладывает «путь сквозь безмолвные области подсознательного в тёмные хранилища омертвевших сновидений, стараясь их оживить» («Трава забвения», 1967).

«Времени как такового, в общем, не существует», - говорит он в «Святом колодце» (1965) и кстати вспоминает Фёдора Михайловича («Время есть отношение бытия к небытию»). Ему доставляет наслаждение ощущать себя затерявшимся во времени: «По отношению к прошлому будущее находится в настоящем. По отношению к будущему настоящее находится в прошлом. Так где же нахожусь я сам? Неужели для меня нет постоянного места в мире? Или «теперь» - это то же самое, что «тогда»?» (Очень похоже на трактат о времени Вана Вина в романе Набокова «Ада, или Страсть».)

Главными героями новых книг Катаева становятся память - особенно на чужие тексты, на сти-

хи - и воображение. Из внешних впечатлений самыми сильными оказываются - сообразно возрасту и статусу в Союзе писателей - больница и заграница. «Ключик (Юрий Олеши. - В.Ш.) никак не мог поверить, что я собственными глазами видел Нотр-Дам. Тут он мне не скрываясь завидовал». Сказано не без иронии, но заграничные поездки были для людей его плана делом чрезвычайно важным («В 1963 году наши пути пересеклись с Катаевым в Париже», - с достоинством вспоминает Евгений Евтушенко в «Литературной газете» от 12.02.97). Большинство писателей отделились путевыми заметками - Катаев ввёл заграницу в свою прозу на равных с другим материалом. Так, вечность, из которой ведёт свой рассказ повествователь в «Святом колодце», чудесным образом сопрягается с Америкой. «Траве забвения» добавляет прелести французская подсветка. «Алмазному венцу» придан вид лекций перед условными студентами-славистами, итальянцами, а может, французами. (То же самое проделает Василий Аксёнов в сочинении «Круглые сутки pop-story», 1976.)

Отобранный для благополучия

Одно из очевидных достоинств Катаева - бескорыстная любовь ко всему хорошо написанному. Будучи главным редактором «Юности» со дня основания журнала в 1955 г. и до 1962 г., он пестовал «молодёжную прозу» во всём её диапазоне - от Анатолия Гладилина до Анатолия Кузнецова. И был снят с должности из-за публикации «Звёздного билета» Аксёнова...

К 20-летию «Юности» Катаев сочинил для родного журнала текстик, в котором настаивал на том, что ушёл он из него «совершенно добровольно и без всякого скандала покинул хлопотливую должность, чтобы уже как частное лицо всецело отдаться радостям тихой семейной жизни и свободному литературному твор-

Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. А.С.Пушкин

честву». Этот элегантный текстик был полон язвительных намёков: что-то про то, как одни «шьются в сферах», а другим достаются галеры. На этот раз были уволены сотрудники, поставившие материал бывшего главного редактора в номер («Юность», 1975, №6).

Всё, что хотел, да не мог напечатать в «Юности», он вогнал в свою прозу. «О, как много чужих стихов накопилось в моей памяти за всю мою долгую жизнь! Как я их любил!» Так он вводил в обиход Мандельштама, Нарбута, Хлебникова, заставлял вспомнить Маяковского и Есенина.

Выход каждой его новой книги сопровождался шумом: с одной стороны, было интересно и либерально, с другой - недостаточно либерально, по мнению аэропортовского сообщества. К тому же его сопровождала слава циника. «Из семи венков терновых сплёл себе венок алмазный» - такая ходила эпиграмма.

Истории, которые рассказывали про Катаева, колоритны. Вот, например: Эренбург имел дачу в Переделкине - предмет вожделения для совписов. Но он много времени проводил за границей, и в один из его отъездов Катаев совершил самозахват и спокойно поселился на чужой даче. Эренбург, вернувшись, удивился, конечно, но связываться не стал, а просто купил себе другую дачу.

«Сегодня встретил Катаева, - записывает Корней Чуковский 28 августа 1962 г. - Излагал мне свою теорию, очень близкую к истине, что в Переделкине и Тихонов, и Федин, и Леонов загубили свои дарования, он привёл в пример Евтушенко. «Я ему сказал: Женя, перестаньте писать стихи, радующие нашу интеллигенцию. На этом пути вы погибнете. Пишите то, чего от вас требует высшее руководство».

Уличать и разоблачать Катаева хотелось многим. У писателей-

либералов это вообще считалось хорошим тоном.

В своё время Катаев навязал своему младшему брату Евгению и своему другу Илье Ильфу фабулу романа про авантюриста. Именно поэтому на титульном листе «Двенадцати стульев» стоит: «Посвящается Валентину Петровичу Катаеву». О прототипе Остапа Бендера подробно рассказывает в «Алмазном венце»; там же Катаев пишет: «...я фигурирую [в романе] под именем инженера, который говорит своей супруге: «Мусик, дай мне гусик» - или что-то подобное». Однако Кукрыниксы, иллюстрируя роман, изобразили Бендера так, что в нём легко было узнать молодого Катаева.

«В нём есть настоящий бандитский шик», - говорил о Катаеве Мандельштам, по свидетельству Надежды Мандельштам. «Мы впервые познакомились с Катаевым в Харькове в 22-м году. Это был оборванец с умными живыми глазами, уже успешный «влипнуть» и выкрутиться из очень серьёзных неприятностей... Мальчиком он вырвался из смертельного страха и голода и поэтому пожелал прочности и покоя: денег, девочек, доверия начальства. Я долго не понима-

ла, где кончается шутка и где начинается харя. «Они все такие, - сказал О.М., - только этот умён». И ещё известное свидетельство Бунина в «Окаянных днях»: «24 апреля 1919 года... Был В. Катаев. Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За 100 тысяч рублей убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки». Всё это Катаев в конце концов получил...»

Но всё-таки Мандельштам хорошо относился к Катаеву. «Из тех, кто был отобран для благополучия, быть может, один Катаев не утратил любви к стихам и чувства литературы. Вот почему О.М. ездил с ним по Москве и пил испанское вино в июне 1937 года» (Надежда Мандельштам). Стоит добавить также, что именно Катаев помогал Мандельштамам после воронежской ссылки деньгами. Именно он поддерживал Михаила Булгакова, вступался за арестованного Валентина Стенича...

Жизнь после смерти

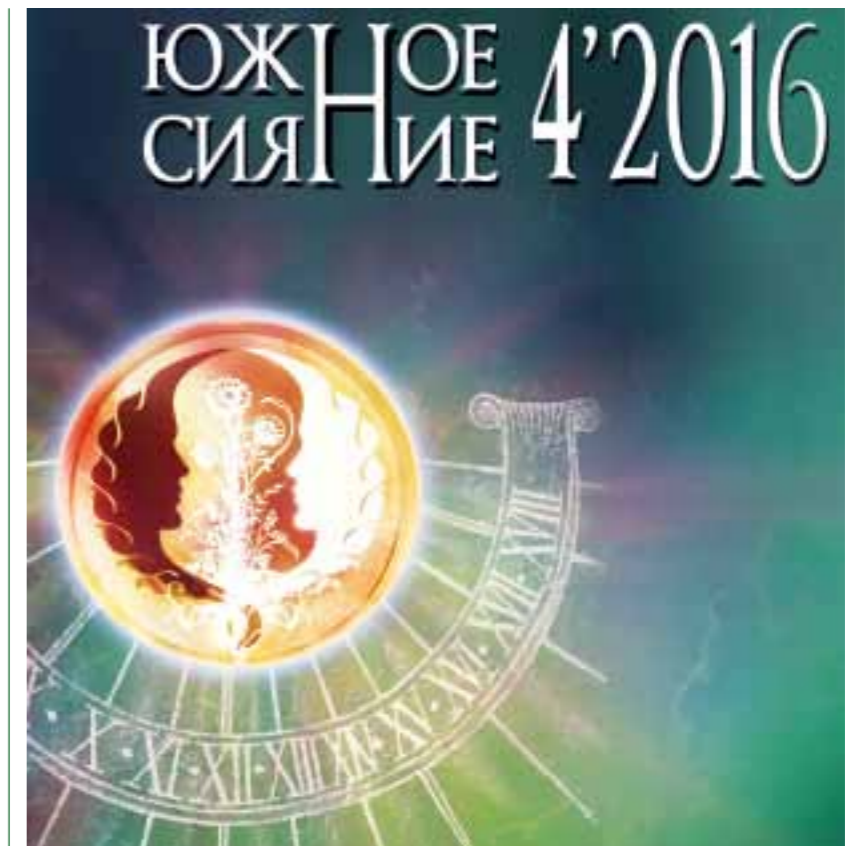
Когда Валентин Катаев умер (12.04.1986), его гроб, согласно строгой союзписательской иерархии, был выставлен в Большом

зале ЦДЛ (писателям меньшего калибра полагался Малый зал). Однако народу пришло совсем мало - либералы, кроме прочих претензий, обиделись за расстрельщика-чекиста, еврея Наума Бесстрашного из романа «Уже написан Вертер» (1980). Патриоты же Катаева никогда не жаловали - он был явным западником и вполне мог сойти за еврея. Так и ушёл в другой мир непонятым этот обитатель советских катакомб. Идеологический и эстетический паркур в катакомбах давался ему нелегко, но, кажется, доставлял удовольствие.

Тот текстик к 20-летию журнала «Юность» он начал так: «Будущие мои биографы... Впрочем, если таковые окажутся, в чём я сильно сомневаюсь...» Он ошибался: есть у него и биографы, и поклонники, и в каком-то смысле продолжатели. Так, настойчивая тема сна у Виктора Пелевина напоминает о столь же настойчивой теме сна у Катаева. А вот что говорит Сергей Шаргунов: «За мастерский мовизм спасибо Катаеву! Написанное - главное. Но личность, судьба - это то, что создаёт подстрочный таинственный гул или, если угодно, зажигает яркую иллюминацию над строчками. <...> Двигатель личности, секрет её развития - парадокс. У писателя бывают опыты горькие, мученические, а рядом - сладкие, барские опыты: опыт ледяного хохота, отчаянного спокойствия, ядовитого лоска, во всём последнем и упрекают глупые люди Катаева или Алексея Николаевича Толстого».

...А цветок, название которого он когда-то не знал, назывался «Бигнония. Ода Революции. Четырежды благословенная» (сообщает Катаев в конце «Травы забвения»). Другим своим учителем он считал Маяковского. И навсегда запомнил его «самую страшную, беспощадную, кровавую строчку во всей мировой революционной поэзии - «Стар - убивать. На пепельнице - черепа!»

Виктория Шохина

На сайте Южнорусского Союза Писателей (ЮРСП) для свободного скачивания выложен двадцатый номер ежеквартального литературно-художественного журнала «Южное Сияние», он же является последним, четвёртым номером за 2016 год.

В номер вошли произведения 46 писателей - поэтов и прозаиков из Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Нижнего Новгорода, Тамбова, Новосибирска, Николаева, Сум, Ровно, Коломны, Евпатории, а также из Кишинёва и Иванча (Молдавия); Нью-Йорка и Майямы (США); из Кирьят-Ям (Израиль); из Германии, Дании, Латвии, Чехии.

Кроме поэзии и прозы в выпуске присутствуют традиционные для «Южного Сияния» рубрики «Переводы», «ЛитМузей», «Дружба журналов», «Окоём», «Шкаф». В рубрике «Переводы» представлена поэзия известной латышской поэтессы Аспазии в переводах Руты Марьяш. В рубрике «ЛитМузей» - проза и поэзия знаменитого офтальмолога Владимира Филатова. Рубрика «Дружба журналов» в этот раз знакомит читателей с литературным журналом «Русское поле», который выходит в Молдове. В «Окоёме» опубликованы произведения победителей поэтического конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии им. Игоря Царёва, а критическая рубрика «Шкаф» традиционно рассказывает о новых книгах современных писателей.

Журнал «Южное Сияние» выходит с 2011 года и являясь официальным печатным органом ЮРСП, публикует произведения как авторов международной писательской организации, так и писателей, не входящих в неё. За более чем пять лет в журнале были напечатаны произведения более 700 писателей, авторы «Южного Сияния» живут в восточном и западном полушариях Земли, по обе стороны экватора. В своей редакторской политике журнал последовательно придерживается принципов верховенства качества художественного произведения, гуманизма, аполитичности.

В настоящий момент журнал можно прочитать на официальном сайте Южнорусского Союза Писателей (ursp.org).

Валентин Катаев, Евгений Петров, Юрий Олеша. Фотографировал Илья Ильф, 1930 год

«Лермонтовское присутствие» в художественном мире Сергея Есенина

С.А.Есенин

Каждый великий поэт идет своей дорогой, но в преодолении нелегкого пути он обязательно ищет опору в предшественниках, соразмеряет с ними свой творческий потенциал, признает их наследие вершиной мировой поэзии и учится у них.

Не минула сия чаша и Сергея Есенина. В одном из писем он писал: «Из поэтов мне больше всего нравятся Лермонтов и Кольцов. Потом я перешел к Пушкину». Нужно сказать, что только в 1924 году, незадолго до своей трагической кончины, Есенин окончательно отдаст пальму первенства Пушкину, но с юных лет будущий поэт полюбил творчество Лермонтова, зачитывался его стихами, поэму «Мцыри» знал наизусть, принимал эстетику лермонтовского творчества. Всеволод Рождественский вспоминал: «От некоторых стихов Лермонтова он (Есенин) готов был плакать и неподражаемо умел напевать вполголоса на какой-то собственный мотив его «Завещание». В этой связи хочется поближе рассмотреть одну из граней творчества Есенина, связанную с именем Михаила Юрьевича. Примечателен еще и тот факт, что дата рождения обоих поэтов - 3 октября.

В фондах Московского государственного музея С.А.Есенина есть рукопись стихотворения «Звезды»; поразительно схоже оно по смыслу и тональности лермонтовскому «Тучи»:

Тучки небесные, вечные странники!
 Степь лазурную, цепью жемчужною
 Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
 С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
 Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
 Или на вас тяготит преступление?
 Или друзей клевета ядовитая?

Лермонтов обращается к природе, космосу, Вселенной, чтобы ответить на мучающие его вопросы. Тот же мотив звучит в стихотворении «Звезды» Есенина:

Звездочки ясные, звезды высокие!
 Что вы храните в себе, что скрываете?
 Звезды, таящие мысли глубокие,
 Силой какою вы душу пленяете?
 Частые звездочки, звездочки тесные!
 Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
 Чем увлекаете, звезды небесные,
 Силу великую знания жгучего?

В том же музее есть копия страницы «Книги посетителей Лермонтовского дома-музея в Пятигорске» с записью рукой Есенина от 9 августа 1920 года, когда поэт с Мариенгофом путешествовали по Кавказу. Чуть позже Есенин напишет своей знакомой Е.И.Лившиц: «...глядя из окна вагона на эти кавказские пейзажи, внутри сделалось тесно и неловко. Я в этих местах второй раз и абсолютно не понимаю, чем они поразили тех, которые создали в нас образы Терека, Казбека, Дарьяла и всего прочего. Признаться, в Рязанской губернии я Кавказом был больше богат, чем здесь». Это и есть высочайшая оценка творчества великих Лермонтова и Пушкина, сумевших создать произведения, так влияющие на чувства и воображения людей.

Начинающий поэт Сергей Есенин искал своего пророка, отталкиваясь от лермонтовского. Вспомним замечательные строки стихотворения:

С тех пор, как вечный судия
 Мне дал всевиденье пророка,
 В глазах людей читаю я
 Страницы злости и порока.

Провозглашать я стал любви
 И правды чистые ученья:
 В меня все ближние мои
 Бросали бешено камня.

И Есенин, следуя пророку Лермонтова, утвердился в тяжести избранного поэтического пути, понимая, что придется претерпеть за правду и любовь. В письме к своему другу Грише Панфилову Есенин пишет: «Я буду тверд, как мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига». Со временем в поэме «Инония» поэт разовьет эту тему и заявит:

Не усташуся гибели,
 Ни копий, ни стрел дождей,
 Так говорит по библии
 Пророк Есенин Сергей.

В поздних стихотворениях Есенин укрепляется в мысли, что горькую чашу судьбы пророка нужно испить до конца:

Как тогда, я отважный и гордый,
 Только новью мой брызжет шаг...
 Если раньше мне били в морду,
 То теперь вся в крови душа.

Книги - это переплетенные люди. А.С.Пушкин

И уже говорю я не маме,
 А в чужой и хохочущий сброд:
 «Ничего, я споткнулся о камень,
 Это к завтраму все заживет!»

В стихотворении «Быть поэтом...» содержится квинтэссенция всех раздумий над назначением поэзии, которую Есенин определил как смысл всей его жизни:

Быть поэтом - это значит то же,
 Если правды жизни не нарушить,
 Рубцевать себя по нежной коже,
 Кровью чувств ласкать чужие души.

Оба поэта, ушедшие от нас в столь раннем возрасте, поражают своей близостью в раздумьях о смерти, характерных для поэтов-романтиков. Поэтизация ранней смерти - это своеобразная форма протеста против окружающей действительности. Они принесли свою жизнь в жертву творчеству, сознавая, что ранняя смерть станет некоей расплатой за это.

Читаем у Лермонтова:

Кровавая меня могила ждет,
 Могила без молитв и без креста.

У Есенина:

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
 Ни по моей, ни чьей вине
 Под низким траурным забором
 Лежать придется так же мне.

И вот тут возникает коллизия: никто и не подумал после гибели Лермонтова, ссылаясь на его стихотворения о смерти, заявить о самоубийстве. С Есениным же все произошло наоборот: как говорится, еще тело не остыло, а поэта уже записали в разряд самоубийц, неся «заупокойный лом», ссылаясь на стихотворения. Мол, почитайте и увидите, что давно к этому шел «московский озорной гуляка». Никто и не удосужился, а скорее всего, преднамеренно не обратился к морально-философской эстетике большого поэта.

Закономерен мотив одиночества в произведениях обоих поэтов. И вновь мы сталкиваемся с вопросом: а может ли пророк рассчитывать на дружбу, понимание, распростертые объятия? Конечно, нет. Вот поэтому и у Лермонтова, и у Есенина множество стихотворений, проникнутых тоской и одиночеством. Лермонтов называл это «пророческой тоской».

Лермонтов:

Выхожу один я на дорогу,
 Сквозь туман кремнистый путь блестит.
 Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
 И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
 Спит земля в сиянье голубом...
 Что же мне так больно и так трудно?
 Жду ль чего, жалею ли о чем?

А теперь послушаем Есенина:

Холодят мне душу эти выси,
 Нет тепла от звездного огня.
 Те, кого любил я, отреклись,
 Кем я жил - забыли про меня.

Но вернемся к стихотворению Лермонтова «Завещание», которое так трогало Сергея Есенина. Это вершина творчества Михаила Юрьевича, поскольку в самых обыденных выражениях кроется великая

художественность слова. Английский литератор Беринг так оценил этот шедевр Лермонтова: «Слова этого стихотворения те самые, которые употребляются в обыкновенном разговоре, они именно те, которые сказал бы солдат в подобном случае. Не употреблено ни одно поэтическое или литературное выражение. А тем не менее стихотворение дает нам впечатление поэтического чутья и высокого поэтического искусства. Я не знаю ни одного другого языка, на котором это было бы возможно».

В конце стихотворения умирающий воин обращается к соратникам по борьбе с просьбой, чтобы рассказали его девушке о смерти всю правду, ибо она все равно с пустым сердцем:

Ты Расскажи всю правду ей.
 Пустого сердца не жалеи;
 Пусть она поплачет -
 Ей ничего не значит!

Есенин вводит две заключительные строки в свое стихотворение «Сыпь, тальянка, звонко...»:

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
 Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?

Не шуми, осина, не пыли, дорога,
 Пусть несется песня к милой до порога

Пусть она услышит, пусть она поплачет,
 Ей чужая юность ничего не значит.

И Лермонтов, и Есенин наделены необыкновенным патриотизмом, чувством Родины, но и они сопряжены с определенными переживаниями и противоречиями:

Люблю отчизну я,
 Но странною любовью.
 Не победит ее рассудок мой
 Ни слава, купленная кровью,
 Ни полный гордого доверия покой.
 (Лермонтов)

Но люблю тебя, родина кроткая.
 А за что, разгадать не могу.
 (Есенин)

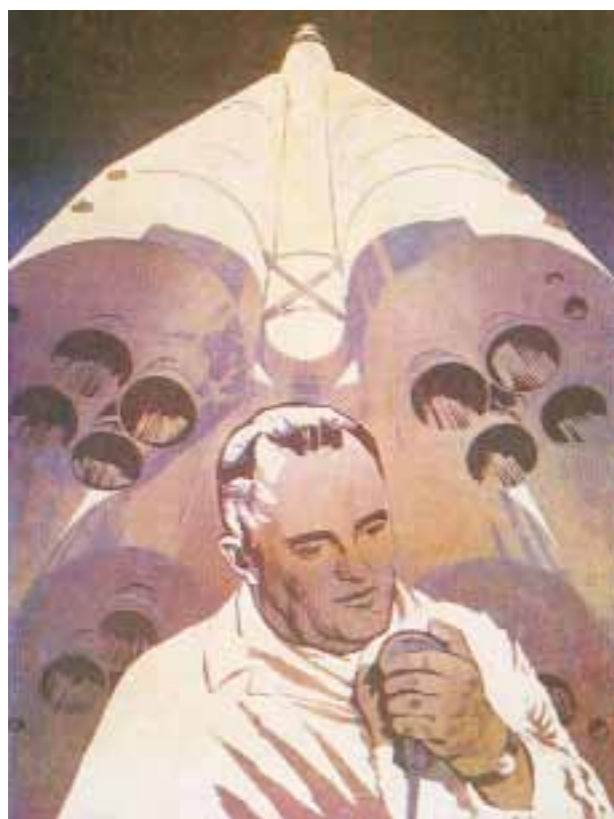
Любовь, вступающая в противоборство с логикой и разумом. Это вечные мучительные поиски истины. разгадывание самих себя, беспокойный внутренний мир, изнурение своего внутреннего «Я», что очень характерно для экзистенциализма.*

Можно бесконечно проводить аналогии общности тем, взглядов, попыток разгадать тайны мироздания у двух поэтов. Но безусловным остается тот факт, что эстетика лермонтовских произведений легла в основу творчества Есенина. Лермонтов указал ему дорогу, а от Есенина эта ниточка протянулась к Николаю Рубцову.**

Вера Жижек

*Экзистенциализм (фр. existentialisme от лат. existentia - существование), также философия существования - особое направление в философии XX века, акцентирующее своё внимание на уникальности бытия человека, провозглашающее его иррациональным.

**Рубцов Николай Михайлович (1936-1971) - русский лирический поэт.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ КОСМОНАВТИКИ

(К 110-летию со дня рождения С.П.Королева)

затем в режимных конструкторских бюро в Москве (1940-1942) и Казани (1942-1944). Под руководством С.П.Королева были созданы баллистические и геофизические ракеты, первые искусственные спутники земли, спутники различного назначения, космические корабли «Восток», «Восход», на которых впервые в истории совершены космический полет человека и выход человека в открытый космос...

Суть сухих строчек оживает в воспоминаниях самого Королева: «Работать над ракетами практически я начал лишь в 1932 году в ГИРДе. Однако, несмотря на трудность, а также полную новизну дела и отсутствие какой-либо помощи и даже консультации, мною совместно с моими товарищами по работе (1935-1938 годы)

достигнуты положительные результаты. Последовательно разработаны и осуществлены целый ряд опытных ракет (№48, 06, 216, 212, 217, 201301). Начаты работы над первым ракетным самолетом. Параллельно с этой экспериментальной работой произведена большая работа по теории ракетной техники. Нашлись влиятельные люди, которые отмахнулись от наших предложений. Кое-кто обвинил нас, что мы мешаем оборонным мероприятиям. Вы поймете смысл подобного обвинения в те годы. Мы потеряли значительное время и несколько замечательных творческих людей. Это были страшные годы».

Предполагают, что, возможно, именно в эти страшные годы Сергей Павлович обратился к Богу. Сейчас мож-

но прочесть немало воспоминаний людей, лично знавших ученого, которые свидетельствуют о том, что академик Королев был глубоко верующим человеком. Самое известное из этих свидетельств принадлежит монахине Силуане, в миру Надежде Андреевне Соболевой, а записано и опубликовано оно было православным писателем Александром Трофимовым.

«В 50-е годы в Пюхтицком монастыре бедность была ужасная, - рассказывала инокиня Силуана. - Прожить на монастырском питании было невыносимо. Ели картошку с грибной подливкой. Хлеба совсем не было. Почти всем что-то присылали - мне присылать было некому, но Божия Матерь хранила. Я в то время заведовала гостиницей.

Однажды приехал к нам представительный мужчина в кожаной куртке. Я дала ему комнатку, поговорила с ним ласково, принесла поесть - все той же картошки с грибной подливкой. Он пожил два дня, и смотрю - все больше изумляется. Наконец разговорились.

Он сказал, что никак не ожидал увидеть здесь такой бедности, даже нищеты. «Я всегда хотел помогать храмам. Очень хочу помочь вашей обители, сердце разрывается, когда увидел, как вы живете. У меня сейчас совсем мало денег с собой, да и вырвался я сюда каким-то чудом - нужно опять на работу, и не знаю, смогу ли скоро приехать к вам».

Оставил он мне адрес и телефон свой и сказал, чтобы, если буду в Москве, обязательно заехала к нему. Я его поблагодарила и дала адрес одного бедного священника, который жил тогда с женой на 250 рублей в месяц (это старыми деньгами), попросив помочь ему.

Через месяц меня отпустили в Москву по благословению игуменьи. Приехала, отыскала адрес, который он мне оставил. Вижу огромный забор, у забора привратник. Спрашивает у меня: «Вы к кому?» Я назвала фамилию. Он пропустил и сказал: «Вас ждут». Я иду, и все больше удивляюсь. В глубине двора - особняк. Звоню. Открыл

хозяин, тот самый человек, который приезжал к нам. Как обрадовался! Повел меня наверх, на второй этаж. Захожу в кабинет его и вижу: на столе лежит открытый том «Добротолубия», в углу - шкаф с открытыми створками, за которыми стоят образа. Пригласил женщину, чтобы она все приготовила. Перед отъездом дал мне конверт и сказал: «Здесь пять». Я думала, что 500 рублей, а оказалось, что 5 тысяч рублей. Какая это была помощь для нас!

Прошло много времени. И вот снова приезжает мой знакомый (а это был академик Королев). Сидим в моей келье и пьем чай. Он благодарит меня: «Вы знаете, я благодаря вам нашел настоящего друга и пастыря: тот бедный священник, о котором вы говорили. Я ему сразу, по приезду в Москву, послал тысячу рублей и пригласил приехать ко мне. Он приехал, как благодарил, говорил, что был в отчаянии, так голодали с женой - хотел даже бросить приход. Потом всегда, когда приезжал в Москву, останавливался у нас и жил...»

Добро, сделанное от чистого сердца, часто остается сокровенно от мира. Думается, что рассказ монахини Силуаны - лишь часть, которую открыл Бог нам, соотечественникам великого конструктора, об этом удивительном человеке...

Прочитав эти воспоминания, как-то иначе начинаешь воспринимать свидетельства о потрясающей интуиции Королева, помогающей ему принимать четкие решения в сложных и ответственных ситуациях. Академик Борис Викторович Раушенбах приводит слова самого Сергея Павловича, который говорил, что всегда ждал подтверждающего голоса интуиции, «как третьего звонка»... «Как часто он, полагаясь на интуицию, решал спорные вопросы и никогда не ошибался!», - с восхищением восклицает Раушенбах. Невольно задумываешься, не ответом ли на сокровенную молитву были эти удивительные озарения. Есть свидетельства (в частности, автор этой статьи слышал об этом от родственницы, работавшей в НПО «Энергия»), что у себя в кабинете Сергей Павлович держал икону Божией Матери.

Коллега Сергея Павловича, дважды Герой Советского Союза космонавт Владимир Аксенов рассказывал: «Однажды он негромко спросил нового сотрудника, верит ли тот в Бога. Сотрудник ответил, что верит. Королев сказал: «Ну и правильно». На самом деле все великие ученые, включая и ученых-физиков, верующие, наибольшее число верующих - это физики-атомщики».

Вспоминают, что каждая встреча, каждая

Слова «авиация», «ракетостроение» и «гениальность» сразу приходят на ум, едва услышишь это имя. Но для успеха важны любовь к своему делу, ответственность и неутомимость. Всеми этими качествами обладал основоположник практической космонавтики, великий ученый... и православный христианин Сергей Королев.

Рассказ о его жизни и деятельности едва помещается в толстые книги. Одна же из самых коротких энциклопедических статей поясняет: Королев Сергей Павлович (1907-1966) -

ученый и конструктор, академик АН СССР (1958), дважды Герой социалистического труда (1956, 1961). Репрессирован в 1938 году; отбывал заключение на Кольме (1938-1940),

Пюхтица (эст. - Святое место) - село Везенбергского уезда, Эстляндской губернии, на границе Псковской и С.-Петербургской губерний, в 16 верстах к северо-западу от Чудского озера; населено частью русскими крестьянами, частью так называемыми «полуверцами», т.е. олютеранившимися русскими, переселившимися сюда из-за Чудского озера для рыбного промысла, в XV в. Близ Пюхтицы, на Богородицкой горе, православная церковь и женский монастырь (60 монахинь), основанный в 1892 г.; при последнем лечебница, приют (30 девочек), школа и мастерские иконописная, золотошвейная и швальня. (Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, С.-Петербург, 1890-1907).

Стоги из дров в Пюхтицком монастыре

То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что еще вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра - свершением. Нет преград человеческой мысли! С.П.Королев

беседа с академиком Королёвым приносила людям радость. Поражала широта проблем, которые решал ученый, покоряла его горячая вера в беспредельные возможности человека, в то, что освоение космоса принесет людям счастье и благо. Теперь мы знаем, что великий ученый верил не только в возможности человека, действительно колоссальные, но и в Того, кто сотворил человека таким по образу и подобию Своему.

Людей Сергей Павлович уважал и, как можно видеть из приведенного выше рисунка монахини Силуаны, неизменно по-доброму к ним от-

носился. В то же время он был достаточно строгим руководителем. Раушенбах вспоминает, что работать с Королевым было трудно, но интересно. Почему? Повышенная требовательность, короткие сроки и новизна. «Он всегда до тонкостей хотел знать проблемы, которые решали его сотрудники, докладывая ему тот или иной вопрос, я нередко слышал: «Не понял, повторите». Это «не понял» не каждый руководитель мог бы себе позволить, боясь уронить свой авторитет в глазах подчиненного. Но подобные человеческие слабости были совершенно чужды Сергею Павловичу. Все

наши проекты находили воплощение в ракетной технике, в первую очередь, благодаря С.П., которого никто и ничто не могло остановить, если что-то было ему нужно для дела».

А еще Борис Раушенбах пишет, что Сергей Павлович был великолепным психологом, подходил к каждому человеку без предвзятости и не однобоко. Не делил людей на «беленьких» и «черненьких», видел их со всеми их «полосочками» и «крапушками». Это помогало ему в полной мере использовать свой талант вожака, он умел заражать своим настроением окружающих: энтузиазмом, спешкой

или, наоборот, спокойствием; словом, тем, что он в этот момент считал нужным для дела.

«Наверное, самым замечательным в характере Сергея Павловича Королева была способность мечтать, - пишет Г.С.Ветров в работе «Феномен Сергея Павловича Королева». - Причем его мечты больше походили на реальные прогнозы, и, может быть, поэтому он охотно ими делился. Доверие и уважение сотрудников к нему основывались прежде всего на том, что свои мечты он превращал в конкретную программу действий и был самым активным их исполнителем. Однако не будь

у него решительного характера и дипломатических способностей, многие вопросы в таком сложном деле, как ракетная техника, обросли бы огромным количеством согласующих и уточняющих бумаг, и механизм разработки ракет постоянно бы протрубывал. Не зря он старался окружить себя людьми тоже решительными, способными взять на себя ответственность.

Разработка ракет и космических аппаратов была связана с каждодневными, ежечасными техническими загадками, требующими немедленных действий. Поэтому в коллективе необходимо было поддерживать состояние постоянной готовности взяться за решение самой сложной задачи, воспитывать в каждом участнике работ непосредственную заинтересованность. Когда успех дела зависит от действий коллектива, очень важно, чтобы руководитель обладал умением воздействовать на подчиненных ему людей не только с помощью директив и рас-

поряжений, а и силой своего авторитета».

Борис Раушенбах писал: «Великих ученых много, много и великих инженеров, а эти люди были явлениями уникальными. И я не придумал лучшего слова, чем полководец. (...) Сергей Павлович был именно полководцем в освоении космической техники, по-моему, это самое точное определение; я могу, например, представить себе Королева в маршальском мундире, командующим фронтом. (...) Ушел полководец, и армия стала менее боеспособной».

Человек мечтающий - это, пожалуй, основа прогресса. Начиная с глубокой древности люди восхищались мечтателями, сумевшими добиться своей цели, первопроходцами и первооткрывателями, без усталости трудящимися вопреки насмешкам и злым разговорам вокруг. В начале XX века полет человека в космос казался невыполнимым, а люди, верящие в это - не более чем чудаками. Но появился Сергей Королев, наш соотечественник. Мечтатель, кропотливо трудившийся над реализацией своих замыслов, изменил ход

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О КОРОЛЁВЕ

«Сколько имён, навсегда оставшихся в небе, возникло на коктебельской Горé, Горé с большой буквы, как её называют. До 1936 года там был наш планеродром, а фактически предтеча космодрома, но тогда ещё никто не знал об этом. Сергей Королёв пишет в одном из своих крымских писем: «Разве не наибольшее удовлетворение самому летать на своей же машине?! Ради этого можно забыть всё и целую вереницу бессонных ночей, дней, потраченных в упорной работе без отдыха, без передышки. А вечером - Коктебель. Шумный ужин и, если все (вернее, наша группа) не устали, мы идём на дачу Павловых танцевать и слушать музыку... Впрочем, когда наступили лунные ночи, усидеть в комнате очень трудно, даже под музыку. Лучше идти на море и, взобравшись на острые камни, слушать рокот моря».

Феликс Чуев («Ильюшин», 1997)

истории, заставил мир верить в чудо. Инженер-электронщик Евгений Шильников, работавший с Королевым, вспоминал: «Он своей волей и убежденностью заставлял ракеты летать. Можно сказать, они летали, потому что так хотел Королев».

Вера в победу, способность увлечь и повести за собой людей, самоотдача сделали Сергея Павловича Королева тем, кем он стал. И вера в Бога, добавим мы. Исполняя Его заповедь о талантах, Сергей Королёв сторицей приумножил Божий дар - с любовью

и на благо своей земли, своего народа.

Американский исследователь У.Макдагл, автор вышедшей в 1985 году политической истории космического века, был вынужден признать, что полет «Востока-1» стал «мерой гениальности Королева, компетентности советских инженеров и мужества Юрия Гагарина».

Сергею Королеву были даны гениальность и талант, которые конструктор полностью использовал. Хочется верить, что Милосердный Господь и за чертой земной жизни даровал ему жизнь бесконечную в Царстве Своем. Ведь Он Сам в изобилии Своей Божественной Любви призывает всех нас: «Давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплот вам в лоно ваше; ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам».

П.Р.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О КОРОЛЁВЕ

«Во время экскурсии, перемежавшейся демонстрацией фильмов, пояснения давал главный конструктор Сергей Павлович Королёв, тогда я его увидел впервые. Теперь (после смерти) его имя часто упоминается в советской печати, окружено романтическим ореолом. Тогда же он был фигурой совершенно секретной, лица не имел, почти как поручик Кижэ. Но и сейчас не пишут, что Королёв в 30-е годы был арестован, осуждён и находился на Колыме, на «общих» работах, что в тех условиях означало рано или поздно неминуемую гибель, от которой он был спасен вызовом от Туполева для работы в его знаменитой «шарашке» (той самой, при посещении которой Берией состоялся его разговор с заключённым профессором; тот пытался доказывать, что ни в чём не виноват, но Берия его перебил:

- Я сам знаю, дорогой, что ты ни в чём не виноват; вот самолёт взлетит в воздух, а ты - на свободу). Я потом несколько раз встречался с Королёвым. Он, несомненно, был не только замечательным инженером и организатором, но и яркой личностью. Много в нём было общего с Курчатовым. У Курчатова очень важной чертой была любовь к большой науке. У Королёва - мечта о космосе, которую он сохранил с юности, с работы в ГИРД (Группа Изучения Реактивного Движения). Циолковский не был для него, я думаю, фантазёром, как для некоторых. Как и у Курчатова, был у него грубоватый юмор, забота о подчинённых и товарищах по работе, огромная практическая хватка, быть может чуть больше хитрости, жёсткости и житейского

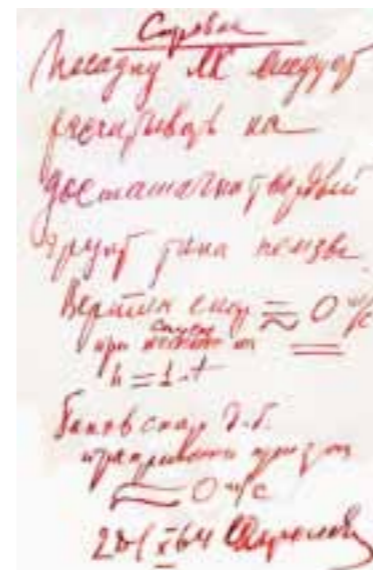
цинизма. Оба они были военно-промышленными «деятелями» - и энтузиастами одновременно.

Экскурсии к Королеву повторялись несколько раз. В 1961 г. мы были у него вскоре после испытания межконтинентальной баллистической ракеты и накануне запуска спутника. Сергей Павлович показал нам его (тот самый, проходивший последние проверки), шутил, но при этом чувствовалось, что он находится в состоянии большого внутреннего возбуждения. Я спрятал себе в карман (на память) оплавленный кусочек металла, найденный на месте падения ракеты (там их были тысячи, так что я никого не обокрал). Последняя моя встреча с Сергеем Павловичем произошла на общем собрании Академии, незадолго до его смерти. Накануне из зарубежных радиопередач я узнал, что американцы запустили с помощью гигантской ракеты «Сатурн» орбитальную станцию весом 19 тонн (это был этап полёта на Луну). Я не удержался и спросил Королёва, слышал ли он об этом, - я знал, конечно, что ничего подобного у нас нет. Сергей Павлович улыбнулся, обнял меня одной рукой за плечи и, обращаясь на «ты», сказал:

- Не огорчайся, и мы ещё себя покажем...

Неожиданная эмоциональность его обращения меня поразила. Умер Королев на операционном столе, через несколько недель после нашего разговора. Королёв, я думаю, никогда не забывал о своём лагерном прошлом. Когда в члены-корреспонденты Академии наук баллотировался Юрий Борисович Румер - физик-теоретик, тоже работник туполевской «шарашки», - Королёв пытался организовать кампанию в его поддержку, правда безуспешно. В некоторых других случаях его усилия были более результативными...

Андрей Сахаров («Воспоминания», 1989)

ЛУНА - ТВЁРДАЯ

В группе, проектирующей посадочный лунный модуль, шла долгая дискуссия: какую поверхность имеет Луна. Выдвигались аргументы в пользу многометровой пыли, песчаной пустыни, твёрдой поверхности... Отсутствие решения стало тормозить дальнейшую работу, существенно влияя на конструкцию посадочного модуля. Присутствующий на очередном безрезультатном заседании С.П.Королёв принял волевое решение и взяв лист бумаги написал: «Следует рассчитывать на достаточно твёрдый грунт типа пемзы», поставив предел всем спорам и взяв ответственность на себя.

Татьянин день

Татьянин день - праздник, который можно назвать и старым, и новым. С одной стороны, он «прорастает корнями» в далекие времена, когда каждый крещеный человек знал день памяти своего святого и отмечал его. Новым же его можно назвать потому, что открыто отмечать и день своего святого, и устраивать широкие празднования 25 января в высших учебных заведениях стали после большого перерыва лишь в прошлом десятилетии.

Яркие развлекательные программы, конкурсы для студентов, дискотеки и всеобщее веселье - так сейчас празднуется Татьянин день - День студента. А раньше... раньше все было несколько иначе.

По преданию, святая мученица Татиана родилась в Риме в патрицианской семье. Отец её трижды избирался консулом, но поскольку он был тайным христианином, то и дочь свою воспитал преданной Богу и Церкви. Достигнув совершеннолетия, Татиана не стала выходить замуж и, оставшись непорочной девой, служила Богу в одном из храмов, принимая активное участие в жизни людей, ухаживая за больными и помогая нуждающимся.

Император Александр Север (его еще называют «религиозным глобалистом» той эпохи) собрал в Пантеоне изображения богов, которые чтились народами империи: поклоняйтесь кому хотите, но никого не считайте безусловно истинным. Настоящие христиане, а среди них была и Татиана, не могли согласиться, что Христос - «один из». Так святая мученица подверглась гонениям за христианскую веру. Девушку стали бить, выкололи ей глаза, но она терпела всё мужественно, молясь за своих мучителей, чтобы Христос открыл им духовные очи. И, согласно преданию, Он внял её молитве.

Палачам открылось, что четыре Ангела окружили святую и отводили от неё удары, и им слышен был Глас с Небес, обра-

щенный к святой мученице. Все они, восемь человек, уверовали во Христа и пали к ногам святой Татианы, прося отпустить им их грех против неё.

За исповедание себя христианами они были подвергнуты пыткам и казнены. На другой день святую Татиану вновь предали мучениям: ее обнажили, стали резать бритвами тело, и тогда из ран вместо крови истекло молоко и в воздухе разлилось благоухание. Мучители изнемогли и заявили, что кто-то невидимый бьет их самих железными палками, девять из них тут же умерли. Святую бросили в темницу, где она молилась всю ночь, а утром вновь привели на суд.

Пораженные мучители увидели, что после стольких страшных мучений она явилась совершенно здоровой и сияющей. Ее стали уговаривать принести жертву богине Диане. Святая сделала вид, что согласна, и её привели к капищу. Но молитва Татианы Иисусу была столь сильна, что вдруг раздался оглушительный удар грома, языческое божество упало с пьедестала и разбилось. Татиана снова оказалась в темнице и подверглась жестокому пыткам.

Позже девушку вывели на арену цирка, выпустили на нее страшного льва, но зверь только ласкался к святой и лизал ей ноги, а когда его попытались увести обратно в клетку, внезапно бросился на одного из мучителей и растерзал его. Татиану бросили в огонь, но и огонь не повредил мученице. Язычники, думая, что она чародейка, остригли ей волосы, чтобы лишить ее волшебной силы, и заперли в храме Зевса. Но силы Божией нельзя отнять. В конце концов, судья распорядился отсечь Татиане и ее отцу головы. Так с 235 года отмечается Татьянин (Татианин) день, а мученица Татиана причислена к лику святых как погибшая за христианскую веру.

Свое «гражданское» значение праздник получил в 18 веке, когда 25 января 1755 года императрица

Святая мученица Татьяна (Татиана) Римская. Иконографическое изображение

Елизавета Петровна подписала «Указ об учреждении Московского университета». «Родителями» Московского Университета стали М.В.Ломоносов и И.И.Шувалов, которые понимали, насколько значимым для Российской империи является создание подобного научного учреждения.

Есть версия, что И.И.Шувалов представил Указ об Университете Елизавете именно 25 января для того, чтобы порадовать мать,

которую звали Татьяной и у которой в этот день был день рождения. Во имя святой мученицы Татианы был освящен университетский храм. Именно с тех пор святая Татиана считается покровительницей студентов.

Изначально праздник не отмечался пышно и включал в себя молебен в университетской церкви и небольшие торжества. Однако в 60-е годы 19 века 25 января стал неофициальным студенческим праздником, который делился на официальную и неофициальную части.

К официальным торжествам относились: обед в столовой, молебен в университетской церкви на Моховой, обращение ректора к студентам и вручение наград, а также прогулки по помещениям университета. После этого начиналась неофициальная программа. Студенты веселились и гуляли по центру Москвы группами, распевая песни. Излюбленными местами были Никитский и Тверской бульвары, а также Трубная площадь. Богатые студенты и выпускники могли позволить себе отметить этот праздник в одном из самых дорогих ресторанов Москвы - «Эрмитаже».

Стирались все различия: преподаватели гуляли со студентами, богатые веселились с бедными. Праздник каждый раз получался настолько веселым, что все, кто мог, присоединялись и гуляли в этот день. А.П.Чехов, выпускник МГУ, однажды сказал по поводу празднования Татьянинного дня: в этот день «выпили все, кроме Москвы-реки, и то благодаря тому, что замерзла... Пианино и рояли трещали, оркестры не умолкали. Было так весело, что

«Татьянин день в Москве». Рисунок Н.Я.Чехова в журнале «Будильник». Слева с бокалом в руке изображен А.П.Чехов

один студент от избытка чувств выкупался в резервуаре, где плавают стерляди».

А потом... наступил 1917-й - в стране разгорелась революция. Большевики посчитали праздник слишком буйным и запретили его отмечать. В 1918 году университетскую церковь закрыли, вместо нее устроили читальный зал.

В 1923-м праздник «Татьянин день» заменили на «День пролетарского студенчества».

Но шли годы, менялись власть, обычаи, праздники. В 1990-е вместе с возвращением некоторых отмененных революцией обычаев вернулся и Татьянин день.

Наталья Журавлева

Детская лингвистическая школа

21 января в Одесском доме-музее Н.К.Рериха состоялось очередное занятие детской лингвистической школы. Ребята продолжили путешествие в страну «Морфология», узнали об особенностях употребления местоимений, склонения сложных и составных числительных, познакомились с речевыми нормами использования глаголов.

Вторая часть занятия традиционно была посвящена риторике, включавшей работу по технике речи, развитию качеств, необходимых юному оратору для подготовки яркого, выразительного, вызывающего у слушателей интерес выступления: памяти, воображения, умения выделять главное, отбирать необходимую информацию и др.

Материалом для работы послужило творчество выдающегося русского художника Бориса Кустодиева. Знакомясь с его картинами и биографией, участники школы погружались в полный жизненных красок, радости и доброты мир, о котором сам художник писал: «Не знаю, удалось ли мне сделать и выразить в моих вещах то, что я хотел, - любовь к жизни, радость и бодрость - это было всегда единственным «сюжетом» моих картин». В завершении ребята подготовили собственный рассказ «Мир Бориса Кустодиева».

ПИСЬМО ТОВАРИЦУ

Дорогой друг, ты знаешь, что люди много страшатся. - Рядом пролетел шершень; прополз паук. Гром прогремел. Пришла повестка из банка вернуть кредит. Зомбоящик бьётся в истерику, грозясь кризисом, Трампом, мировым правительством, ювенальной юстицией, явлением антихриста, нашествием китайцев и тараканьим гриппом, тотальной чипизацией, падением метеорита и перестройкой полюсов... Кругом ужасы, навеянные кино, ТВ, интернетом, газетами. И страшнее всего - смерть... (Но что мы знаем о смерти, когда даже о жизни, сколько бы ни прожили, мало чего понимаем!)

Остановись!! Есть верное средство от страхов.

Представь себе: ты - ребёнок, научившийся читать. Твое мироощущение наполнилось таким массивом эмоций и знаний, что тебя распирает от желания рассказать о тайнах, которые открылись. Но читать мало. Следующий уровень - научиться писать. Не только уметь буквы изображать, а творить внятные тексты.

Конечно, как говаривал Конфуций, молчание - великий друг, который никогда не изменит. Но есть унший, хоть и норовистый, будто молодой скакун, и справиться с ним сложнее, чем с молчанием и мычанием, но он - созидатель. Друг этот - Слово.

Подумай о Слове, которое можешь, как поле, вспахать, засеять, выпестовать и собрать урожай - богатый и добрый.

Когда в голову лезут мысли - «всё, капец, уже ничего не осталось» - самое время искать спасение в умном творчестве. Можно писать картины, вышивать орнаменты, плести кружева или выращивать бонсай... Но если ты не замкнувшийся в себе психопат, а существо социальное, - самое простое, чем ты можешь занять свой плавящийся от ужаса мозг, - начать писать.

Нет вдохновения? - Не волнись, пиши.

Есть немного сил? - Пиши.

Совсем сил почти нет? - Пиши!

Пока мы тут живы, нужно шевелиться. И когда время придёт уходить, то и удалиться следует в состоянии бодрости духа, коему ничто лучше не способствует, как навык складывать слова в речь, могущую влиять на настроения - собственное и окружающих.

Нет возможности жертвовать деньги ради спасения человечества (Родины, детей, внуков, леса, пёсика, кота...)? Но у каждого найдутся слова, описывающие знания, опыт, идеи, мечты. Главное - не терять чувства ответственности и меры. Слово - не воробей...

Опиши, что тебя волнует, вдохновляет или может порадовать, за что следует бороться или чему сопереживать. Пиши добрые слова, адресуя их родным, друзьям, всем людям. Не ввергая в хаос мыслей и действий веди себя и их к добру. А там, по дороге, откроется и путь к Истине.

Творчество, если оно к добру, очистительно: укрепит в минуты, часы, дни, месяцы и даже лета, когда вдруг покажется, что ты никому не нужен и тебя оставили на произвол. Творение же Слова и Словом - величайший дар каждому человеку свыше. Вот и будь человеком! - Не губи, не доводи его до полной дряхлости в подвалах своего сердца. И даже если не обнаружишь сегодня сей талант в себе, срочно ищи ключи к замку, его затворившему. Дар орудовать родным словом - предпоследнее, что у тебя могут отобрать. Дальше - только жизнь. Душу отнять не смогут, а смерти (помнишь?) мы не страшимся.

Вставай же с постели депрессии, стряхни страхи, влейся в поток веселых, жизнерадостных участников Большого Фестиваля Слова. Представь себя активом и дольщиком Небесных Сил в карнавале бытия, в путешествии к неизведанным землям, в сражении за Истину и Справедливость, в освоении Космоса... - расскажи об этой завидной роли всем.

Молчать и бездействовать, равно как впадать в уныние - грех. Будь учеником и учителем - собирай новые знания и навыки, и раздавай их нуждающимся. Стань проповедником, жрецом Слова.

Искренне твой,
Сергей Проваторов
<rus.sovet2013@gmail.com>

